

ЭТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ БУДУЩИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А. А. Максименко

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.
E-mail: Maximenko.AI@gmail.com*

О. С. Дейнека

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: osdeyneka@yandex.ru*

Д. В. Крылова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.
E-mail: krylovadv@hse.ru*

Е. В. Забелина

*Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия.
E-mail: katya_k@mail.ru*

Е. А. Булгакова

*Московский государственный областной университет,
Мытищи, Россия.
E-mail: ea-bulgakowa@yandex.ru*

Аннотация. Введение. В соответствии с Бухарестской декларацией этических ценностей и принципов высшего образования (2004) современные университеты не могут рассматриваться только как научно-технические «фабрики» в отрыве от ценностей и этических норм. В соответствии со своей миссией в обществе они должны «всячески способствовать утверждению и насаждению высочайших моральных норм».

В настоящей статье проблема подготовки будущих государственных служащих и представителей бизнес-сообщества в российских вузах актуализируется на основе анализа результатов исследования их этических установок в целях косвенной оценки эффективности антикоррупционной подготовки студентов профильных образовательных программ по направлениям «Государственное и муниципальное управление» и «Право».

Цель данного эмпирического исследования состояла в выявлении этических установок будущих государственных служащих в сравнении с будущими предпринимателями, а также с работниками коммерческих компаний и государственных служащих.

Методология, методы и методики. Было выполнено онлайн-исследование, в котором приняли участие 874 человек. Основная тестовая выборка (134 студента) состояла из двух групп: студенты специальности «Государственное и муниципальное управление» и «Право» (70 чел.) и студенты программ бизнес-образования (64 чел.). Фоновая выборка состояла из государственных и муниципальных служащих (39,0 % от общей выборки) и работников коммерческих компаний (36,5 %), а также представителей НКО (6,8 %). В ходе сравнительного исследования с помощью опросника «Моральные представления (аморализм) – МПА-2» Е. А. Булгаковой, и шкалы «темного будущего» З. Залесского на выборках будущих чиновников и будущих представителей бизнеса была проверена гипотеза, опирающаяся на некоторые работы зарубежных авторов, которая состояла в том, что у будущих российских предпринимателей ожидалась более высокая (нежели у будущих чиновников) степень релятивизма, отвергающая универсальные моральные принципы и поддерживающая личные моральные стандарты.

Результаты. Результаты исследования свидетельствуют о том, что будущие государственные служащие значимо чаще, чем будущие представители бизнес сообщества допускают оправдание присвоения чужого, обман по причине недоговоренностей, месть в рамках закона. У них показатели по шкалам цинизма, агрессивности и враждебности будущих госслужащих оказались выше, чем у студентов сферы бизнес-образования. Кроме того, у будущих государственных служащих больше неуверенности по поводу того, смогут ли они в жизни состояться, опасений в связи с возможными столкновениями с жизненными кризисами и трудностями, а также тревог и за свое будущее. Существующие программы обучения по основам профессиональной этики в высшей школе зачастую лишь укрепляют релятивистские взгляды и формируют основы для формирования девиантного поведения в будущем.

Научная новизна. Научная новизна исследования состоит в том, что выполнен теоретических анализ и проведено эмпирическое исследование этических установок у представителей двух профессиональных групп.

Практическая значимость. В рамках развития учебных программ целесообразно усилить акценты, связанные с конструктивно зрелыми этическими установками профессионалов, особенно государственных и муниципальных служащих.

Ключевые слова: этические установки, моральные представления, будущие госслужащие, будущие бизнесмены, антикоррупционная подготовка студентов, модель принятия этических решений Ханта-Виттеля.

Для цитирования: Максименко А. А., Дейнека О. С., Крылова Д. В., Забелина Е. В., Булгакова Е. А. Этические установки будущих представителей государственного управления и бизнес-сообщества: сравнительный анализ // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 2. С. 68–97. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-68-97

ETHICAL ATTITUDES OF THE FUTURE RUSSIAN OFFICIALS AND BUSINESSMEN: COMPARATIVE ANALYSIS

A. A. Maksimenko

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: Maximenko.AI@gmail.com*

O. S. Deyneka

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: osdeyneka@yandex.ru*

D. V. Krylova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: krylovadv@hse.ru*

E. V. Zabelina

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: katya_k@mail.ru*

E. A. Bulgakova

*Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia.
E-mail: bulgakova@yandex.ru*

Abstract. *Introduction.* In accordance with the Bucharest Declaration of Ethical Values and Principles of Higher Education (2004), modern universities cannot be considered only as scientific and technical “factories” in isolation from values and ethical norms. In accordance with their mission in society, they should “contribute in every possible way to the establishment and inculcation of the highest moral standards”.

In this article, the problem of training future government and municipal employees in the Russian universities of the country is actualised based on the analysis of the research results of their ethical attitudes in order to indirectly assess the effectiveness of anti-corruption training of students of specialised educational programmes in the areas of “Government and Municipal Administration” and “Law”.

Aim. The present empirical study aimed to identify the ethical attitudes of future officials in comparison with future entrepreneurs, as well as with the employees of commercial companies and government officials.

Methodology and research methods. The authors conducted an online research. The research involved 874 people. The main test sample (134 students) consisted of two groups: students of the speciality “Government and Municipal Administration” and “Law” (70 people), and students of business education programmes (64 people). The background sample consisted of the government and municipal employees (39.0% of the total sample) and the employees of commercial companies (36.5%), as well as the representatives of NGOs (6.8%). In the course of a comparative study, using the questionnaire “Moral Views (Amoralism)-2” by E. A. Bulgakova

kova, and the scale of the “Dark Future” by Z. Zalessky, the authors tested the hypothesis on the samples of future officials and future business representatives. The tested hypothesis was based on some works of foreign authors and consisted of the fact that future Russian entrepreneurs were expected to have a higher degree of relativism (than future officials), supporting personal moral standards and rejecting universal moral principles.

Results. The tested hypothesis was not confirmed by the research results. Compared to future entrepreneurs, future officials are significantly more likely to justify the act of appropriation, deception due to omissions, and revenge within the law. Future officials turned out to have higher indicators on the scales of cynicism, aggressiveness and hostility than students in the field of business education. In addition, future civil servants have more uncertainty about whether they will be able to take place in life, fears about possible collisions with life crises and difficulties, as well as anxiety for their future. Existing university ethics training programmes often only strengthen relativistic views and form deviant behaviour in the future.

Scientific novelty. The *scientific novelty* of the study consists in the fact that the authors carried out theoretical analysis and empirical research, which consisted in the study of ethical attitudes among the representatives of two professional groups.

Practical significance. As part of the development of training programmes, it is advisable to increase the emphasis on structurally mature ethical attitudes of professionals, especially state and municipal employees.

Keywords: ethical attitudes, moral views, future officials, future entrepreneurs, anti-corruption training of students, the Hunt-Vitell model of ethical decision-making.

For citation: Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Krylova D. V., Zabelina E. V., Bulgakova E. A. Ethical attitudes of the future Russian officials and businessmen: Comparative analysis. *The Education and Science Journal*. 2023; 25 (2): 68–97. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-68-97

ACTITUDES ÉTICAS DE LOS FUTUROS REPRESENTANTES DE LA ADMINISTRACIÓN RUSA Y LA COMUNIDAD EMPRESARIAL: UN ANÁLISIS COMPARATIVO

A. A. Maximenko

*Universidad Nacional de Investigación Escuela Superior de Economía,
Moscú, Rusia.*

E-mail: Maximenko.AL@gmail.com

O. S. Deyneka

*Universidad Estatal de San Petersburgo,
San Petersburgo, Rusia.*

E-mail: osdeyneka@yandex.ru

D. V. Krilova

*Universidad Nacional de Investigación Escuela Superior de Economía,
Moscú, Rusia.*

E-mail: krylovadv@hse.ru

E. V. Zabélina

*Universidad Estatal de Cheliabinsk,
Cheliabinsk, Rusia.*

E-mail: katya_k@mail.ru

E. A. Bulgákova

*Universidad Regional Estatal de Moscú,
Mititsi, Rusia.*

E-mail: ea-bulgakowa@yandex.ru

Abstracto. *Introducción.* De acuerdo con la Declaración de Valores Éticos y Principios de la Educación Superior de Bucarest (2004), las universidades modernas no pueden considerarse solo como “fábricas” científicas y técnicas aisladas de los valores y las normas éticas. De acuerdo con su misión en la sociedad, deben “contribuir de todas las formas posibles al establecimiento e imposición de las más altas normas morales”.

En este artículo se actualiza el problema de la formación de los futuros funcionarios y representantes de la comunidad empresarial en las universidades rusas basados en un análisis de los resultados de un estudio de sus actitudes éticas con el fin de evaluar indirectamente la eficiencia de la formación anticorrupción para estudiantes de programas educativos especializados en las áreas de “Gestión estatal y municipal” y “Derecho”.

Objetivo. El propósito de este estudio empírico ha sido identificar las actitudes éticas de los futuros servidores públicos en comparación con los futuros empresarios, así como con los empleados de empresas comerciales y servidores públicos.

Metodología, métodos y procesos de investigación. Se realizó un estudio en línea en el que participaron 874 personas. La muestra principal de la prueba (134 estudiantes) estuvo com-

пuesta por dos grupos: Estudiantes de la especialidad “Administración estatal y municipal” y “Derecho” (70 personas) y estudiantes de programas de educación empresarial (64 personas). La muestra de antecedentes estuvo compuesta por empleados estatales y municipales (39,0% del total de la muestra) y empleados de empresas comerciales (36,5%), así como representantes de ONG (6,8%). En el curso de estudio comparativo se diligenció el cuestionario “Ideas morales (in-moralismo) – MPA-2” de E. A. Bulgakova, y la escala “futuro oscuro” de Z. Zalesky, se probó una hipótesis en muestras de futuros funcionarios y futuros representantes comerciales, apoyada en algunos trabajos de autoría extranjera, que consistía en el hecho de que se esperaba que los futuros empresarios rusos tuvieran un mayor grado de relativismo (que los futuros funcionarios), rechazando los principios morales universales y apoyando los estándares morales personales.

Resultados. Los resultados del estudio indican que los futuros funcionarios públicos tienen una probabilidad significativamente mayor que los futuros representantes de la comunidad empresarial de justificar la apropiación del bien ajeno, el engaño por reticencia y la venganza en el marco de la ley. Sus indicadores en las escalas de cinismo, agresividad y hostilidad de los futuros funcionarios resultaron ser más altos que los de los estudiantes de educación empresarial. Además, los futuros funcionarios tienen más incertidumbre sobre si podrán desenvolverse en la vida, miedos en relación con posibles colisiones con las crisis y dificultades de la vida, así como preocupaciones sobre su futuro. Los programas de capacitación existentes sobre los fundamentos de la ética profesional en la educación superior a menudo solo fortalecen los puntos de vista relativistas y forman la base para la formación de conductas desviadas en el futuro.

Novedad científica. La novedad científica del estudio radica en que se realizó un análisis teórico y se llevó a cabo un estudio empírico de las actitudes éticas entre representantes de los dos grupos de profesionales.

Significado práctico. Como parte del desarrollo de los planes de estudio, es recomendable fortalecer el énfasis asociado a las actitudes éticas constructivamente maduras de los profesionales, especialmente de los empleados estatales y municipales.

Palabras claves: Actitudes éticas, ideas morales, futuros funcionarios, futuros empresarios, formación anticorrupción de estudiantes, modelo ético de toma de decisiones de Hunt-Vittel.

Para citas: Maximenko A. A., Deyneka O. S., Krilova D. V., Zabélina E. V., Bulgákova E. A. Actitudes éticas de los futuros representantes de la administración rusa y la comunidad empresarial: Un análisis comparativo. *Obrazovanie i nauka = Educación y Ciencia*. 2023; 25 (2): 68–97. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-68-97

Введение

Интернациональная проблема повышения стандартов этического и гражданского образования, необходимого для полноценной профессионализации студентов [1], пополняющих ряды государственных служащих и бизнес-сообществ, требует внимания к антикоррупционному воспитанию и профилактике с учетом опыта разных стран и, в частности, в российских вузах [2; 3].

Проблема коррупции и осознанного формирования нетерпимого отношения к ней в среде российского студенчества является особенно актуальной в настоящее время [4]. Предпосылками законопослушного поведения и антикоррупционного правосознания являются этические установки человека. Усиление антикоррупционной составляющей при преподавании учебных дисциплин, предусматривающих изучение правовых и морально-этических аспектов управленческой деятельности в федеральных государственных образовательных учреждениях высшего и послевузовского профессионального образования, указывается в качестве одной из первоочередных задач в Национальном плане противодействия коррупции¹. Более того, приоритетными направлениями Национального плана определены: «повышение эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания; совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере бизнеса, в том числе по защите субъектов предпринимательской деятельности от злоупотреблений служебным положением со стороны должностных лиц; обеспечение включения в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования положений, предусматривающих формирование у обучающихся компетенции, позволяющей выработать нетерпимое отношение к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности – содействовать пресечению такого поведения». При этом существующая ситуация в данной сфере характеризуется наличием ряда проблем. По нашим предварительным оценкам, охват существующих программ антикоррупционной подготовки студентов [3] сильно ограничен: обычно только студенты профильных образовательных программ (ГМУ, право) получают такую подготовку. По мнению Е. Denisova-Schmidt, М. Huber и Е. Leontyeva участниками общественных отношений, в рамках которых могут реализовываться коррупционные сценарии, становится значительно более многочисленная часть молодежи [5]. В то же время, только 12 % от опрошенных студентов относят к коррупции использование служебного положения в личных целях, фаворитизм, ситуации конфликта интересов [6]. В то же время в представлении остальных респондентов студенческого сообщества коррупция ассоциируется преимущественно со взятками. Такая трактовка коррупции будущими чиновниками, юристами, наемными управленцами и предпринимателями, призванными противодействовать коррупции, довольно тревожна. Особую озабоченность вызывает преобладание положительной

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы».

оценки последствий коррупции над негативной. «Лишь 9 % опрошенных готовы подчиняться требованиям закона и не вступать в коррупционные отношения ни при каких обстоятельствах. Еще 12 % респондентов выразили намерение соблюдать законы при отсутствии иммунитетов для властей и соблюдении каждой буквы закона» [6]. По мнению А. А. Журавлева и А. В. Юревича [6], «...патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры». Схожие аспекты в формировании сознания молодежи отмечают и Э. И. Никонова с А. В. Абдрахмановой: «...молодые люди, вступающие во взрослую жизнь, с самого начала сталкиваются с коррупцией, привыкают с ее помощью решать свои проблемы, преодолевать препятствия, начинают считать ее естественной частью социальной среды» [7, с. 28]. Авторы при рассмотрении психологических аспектов отношения россиян к коррупции обращают внимание на непоследовательность и противоречивость оценок обществом коррупционных проявлений. По их мнению, «проявляется система двойных стандартов и принцип, когда свое собственное коррупционное поведение и аналогичное поведение родных и близких интерпретируется как вынужденный ответ на объективные обстоятельства, не ассоциируется с коррупцией и не получает отрицательной эмоциональной оценки, в то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное и выражающее их негативные личностные качества» [7, с. 28]. Авторы во многом правы, что российские граждане не воспринимают коррупцию однозначно как зло, привыкают к таким практикам, принимают коррупцию за норму поведения. Согласно этому исследованию, значительная часть молодежи ориентирована на карьеру в системе власти с целью обеспечить себе условия для обогащения.

И. Н. Пустовалова, отмечает, что, в сознании подрастающих управленцев таким образом, понятие «коррупция» ассоциируется «не с ответственностью и правонарушением, а с возможностями беспринципного достижения своих целей, что свидетельствует о наличии деструктивного (коррупционного) типа правосознания» [8]. Такое положение является следствием не только институционализации коррупционных отношений, но и в значительной степени недостаточной эффективности антикоррупционной подготовки студентов.

В качестве **основной гипотезы** было выдвинуто предположение, что у будущих российских предпринимателей присутствует значимо более высокая (нежели у будущих чиновников [9]) степень релятивизма, отвергающая универсальные моральные принципы и поддерживающая личные моральные стандарты. У данной категории студентов имеется обоснован-

ное мнение в пользу этической идеологии скептицизма. Они убеждены, что этические решения должны зависеть от ситуации и степени вовлеченности лиц. Поэтому их идеология – это компромисс между потенциальными выгодами и вредом от той или иной этической дилеммы.

В настоящей работе обозначим рабочие исследовательские определения. Под этическими установками понимается готовность личности следовать моральным принципам и поддерживать в своем поведении высокие моральные стандарты. Под антикоррупционным сознанием подразумевается система убеждений, чувств и верований, проявляющаяся в отношении к коррупции как общественному злу.

Одним из основных ограничений настоящего исследования следует считать то, что настоящую работу можно считать попыткой демонстрации роли и важности формирования этических установок у студентов – будущих предпринимателей и чиновников в современной России.

Обзор литературы

Активный исследовательский интерес к теме этических установок возник в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Некоторые зарубежные психологи попытались объяснить все моральные суждения в дихотомической методологии релятивного и идеального (выделением R. A. Hogan «этики личной совести» и «этики социальной совести» [10], выявлением Н. С. Kelman, L. H. Lawrence общественного мнения об одобрении индивидуальной ответственности солдата, выполняющего приказ или неодобрению такой ответственности [11], с помощью опросника этической позиции (EPQ) D. R. Forsyth [12], открывающего одну из 4-х перспектив этического поведения).

D. R. Forsyth и W. R. Pore предложили типологическую модель, включающую 4 стратегии и типа поведения: абсолютисты (считающие, что обман подрывает фундаментальные моральные принципы, поэтому его следует избегать); субъективисты (полагающие, что трактовка обмана является субъективной интерпретацией); ситуационисты (рассуждающие, что не без помощи обмана можно добиться наилучшего результата в заданной ситуации); утилитаристы или циники (уверенные, что если обмана избежать нельзя, то можно воспользоваться ситуацией при соответствующих мерах предосторожности). При этом «абсолютисты, в отличие от представителей трех других этических идеологий, наиболее щепетильно и тщательно оценивают негативные последствия своего поведения» [13].

Маркетологами Sh. D. Hunt и S. Vitell была разработана модель этики, объясняющая поведение потребителей, которая может быть успешно

транспонирована психологами и социологами для рассмотрения этических установок предпринимателей и чиновников. В основе модели принятия этических решений лежат две этические традиции: деонтологичность, учитывающая универсальные законы морали и следование правилам и долгу независимо от последствий этих этических действий (И. Кант), и телеологичность, учитывающая «принцип максимальной полезности, достижения наибольшего блага для наибольшего числа людей» (Дж. Бентам) [14]. Отметим, что теория Ханта-Виттеля в определенной степени оспаривает результаты ранее проведенных исследований [15], а именно тот факт, что многие люди могут научиться проявлять этичное поведение. Некоторые характеристики личности способны обуславливать конкретные аспекты этического процесса принятия решений. В частности, Sc. Vitell, J. G. P. Paolillo и J. J. Singh отмечают, что «внутренняя религиозность» (убежденность и разделение норм и ценностей) является важной детерминантой этических убеждений потребителей, тогда как внешняя религиозность (следование ритуалам и обычаям) оказывает незначительное влияние на этичное поведение» [16].

Нельзя не учитывать, что система ценностей и норм также влияет на принятие этических решений. Так, компании, задающие высокие этические нормы в своей организационной культуре, получают, как правило, сотрудников с высокой организационной приверженностью. Весьма вероятно, что люди с высокими моральными качествами будут применять силу воли, чтобы вести себя сообразно со своими этическими суждениями. Кроме того, Sh. D. Hunt, V. R. Wood и L. B. Chonk обнаружили, что, как правило, женщины с высоким уровнем образования и обладающие высокой социальной ответственностью в большей степени способны (1) привносить деонтологические нормы в любую ситуацию и (2) будут учитывать интересы большего числа заинтересованных сторон в принятии решений [17].

М. К. Shaub обнаружил отрицательную взаимосвязь между этической чувствительностью и релятивизмом и объяснил его тем, что вера в моральные абсолюты может уменьшить вероятность этических нарушений, а также тем, что релятивисты считают этические вопросы в целом менее важными, в отличие от нерелятивистов [18]. Схожую взаимосвязь обнаружили J. R. Sparks и Sh. D. Hunt, поясняя это корреляцию тем, что существующие обучающие программы по этике лишь укрепляют релятивистские взгляды и неправильное поведение [19]. St. P. McNeel весьма проницательно указывает на то, что преподавание курса этики в высших учебных заведениях все чаще проходит в довольно формальном безоценочном подходе, без учета «ценностей» и этических установок целевой аудитории [20].

Модель Sh. D. Hunt и S. Vitell подчеркивает важность культурной среды, влияющей на процесс принятия этических решений, и предполагает,

что исследователи сосредоточивают внимание на религии, правовых и политических системах, а также имеет сложные наборы норм, некоторые из которых часто формализованы в организационных кодексах и существуют в виде неформальных норм, реализуемых в организациях в процессе работы [21].

В обзорной статье G. L. Casali и M. Perano проведен анализ вклада разных ученых в теорию принятия этических решений (ПЭР) за последние 40 лет [22], с опорой на 4 литературных обзора, представленных J. L. Craft; R. C. Ford и W. D. Richardson; T. W. Loe с коллегами; M. J. O'Fallon и K. D. Butterfield в статьях, охватывающих более 400 опубликованных материалов за период с 1962 по 2011 гг. [23, 24]. За это время количество сведений, опубликованных результатов и рекомендаций о важности концепции принятия этических решений в бизнесе резко выросло со 110 в период с 1972 по 1992 гг. до 357 в период с 2004 по 2011 гг., т. е. более чем вдвое за последние 15 лет. Так, в некоторых статьях выделен набор этических принципов, условно называемый авторами «школа моральной философии» [25, 26]. C. R. Bateman и S. R. Valentine прослежена взаимосвязь с индивидуальными характеристиками, такими как возраст, пол, уровень образования [27]. Третьи связаны с организацией, в которой люди работают: этический кодекс организации, организационная культура, внешняя среда организации, политическая и экономическая ситуации [27]. Далее G. L. Casali и M. Perano произвели сегментацию исследовательского поля по двум основаниям, разделив исследовательские усилия ученых на «редкие попытки» или «частые попытки» изучения феномена принятия решения, и учитывая характер полученного результата как «низкий» или «высокий». В итоге получилась матрица с 4 квадрантами: квадрант 1 (часто изучаемые – слабое влияние) – факторы, которые часто изучались, но не оказали большого влияния на принятия этического решения; квадрант 2 (часто изучаемые – сильное влияние) – факторы, которые часто изучались и оказывали значимое влияние на принятия этического решения; квадрант 3 (редко изучаемые – слабое влияние) – факторы, которые изучались редко и оказали минимальное влияние; квадрант 4 (редко изучаемые – сильное влияние) – факторы, которые изучались редко, но оказались влиятельными. Отметим, что в статье использовался метод визуализации данных временных рядов, в частности графы для отслеживания и визуализации временных вариаций тем, и перечислены 42 потенциально влияющих на ПЭР фактора.

Полученные данные авторами были размещены в четырех квадрантах. Поскольку квадрант 1 вообще не рассмотрен (по причине частого изучения факторов и минимального их влияния), были исследованы только квадранты 2, 3 и 4.

Квадрант 2 (часто изучаемый – сильное влияние): в него попали 10 % влияющих на принятие этического решения факторов: пол, образование, занятость, ценности, ориентация и национальность. Эти факторы в основном связаны с человеком. При этом важный момент заключается в том, что большинство факторов, лежащих в этом квадранте, находятся на грани значимости и незначительности. Так, образование и занятость лежат на границе между квадрантами 1 и 2 (незначимые и значимые соответственно).

Квадрант 3 (редко исследуется – слабое влияние): в него попали 10 % факторов, и еще 7 % легли близко к границе между квадрантами 3 и 4 (слабо влияют на модель ПЭР). Это такие факторы, как «роль конфликта и этический конфликт» и «авторитет», «политика и процедуры».

Квадрант 4 (редко изучается – сильное влияние): в этот квадрант входит более 70 % от общего количества потенциально влияющих факторов, рассматриваемых в этом исследовании. Чтобы лучше описать большое количество факторов в этом квадранте, квадрант 4 был подразделен на 4А, 4В, 4С и 4D. Из факторов, лежащих в квадранте 4, два попали в 4А, пять – в 4В, шесть – в 4С и 17 – в 4D. Дальнейший анализ показывает, что не все факторы получили одинаковое внимание исследователей. Некоторые факторы были тщательно исследованы: пол, возраст, образование, занятость, ценности. Другие – слабо охвачены исследовательским вниманием: профессиональные отношения, внешняя среда и влияние топ-менеджмента.

Таким образом, за последние 40 лет 403 статьи были посвящены модели ПЭР, однако менее 5 % изучали комбинированный эффект более четырех факторов, и только в семи исследованиях рассмотрен одновременный эффект более шести факторов. Как отмечают М. А. Razzaque и Т. Р. Нвее, наибольшее количество факторов, когда-либо исследованных одновременно, девять: возраст, образование, пол, ценности, религия, этическая культура, размер организации, локус контроля. Значимыми из перечисленных оказались только факторы «образование» и «этическая культура» [28].

В статье китайских исследователей L. W. Zou и R. Y. K. Chan предпринята попытка изучения вовлеченности потребителей в зеленое поведение на основе модели ПЭР Sh. D. Hunt и S. Vitell. Авторы, пользуясь методом опросов и полученными данными, собранными в Гонконге и США с помощью моделирования и бутстрэп-анализа, показали, что этический идеализм положительно влияет на соответствующие этические суждения потребителей и их решения, и это влияние выше, когда зеленое поведение имеет высокую моральную интенсивность. Отмечается, что этический релятивизм отрицательно влияет на те же суждения и решения, и это влияние сильнее, когда внимание потребителей к информации о социальном сравнении низкое [29].

В статье американских исследователей J. Cherry и J. P. Fraedrich показано, как воспринимаемый риск влияет на ПЭР [30]. Согласно теории перспектив (D. Kahneman и A. Tversky) люди не склонны к риску в ситуации гарантированной выгоды, но при этом стремятся к риску в ситуации неопределенности, связанной с потерями [31]. По мнению К. R. MacCrimmon и D. A. Wehrung величина, вероятность проигрыша, а также отсутствие времени и информации для принятия решения и отсутствие контроля над альтернативными вариантами также влияют на субъективное восприятие риска [32]. В исследовании J. Cherry и J. P. Fraedrich было показано, что лица, которые воспринимают больший риск в этической дилемме, выражают более категоричные суждения в отношении неэтичного поведения, чем люди, которые воспринимают меньший риск. Кроме того, люди, которые воспринимают больший риск в этической дилемме, выражают меньшее намерение участвовать в неэтичном поведении, те, которые воспринимают меньший риск. И наконец, те, кто воспринимает риск в этической дилемме как более высокий, в большей степени отражают дилемму как этическую проблему.

Кросс-культурное исследование J. M. Vinson и его коллег посвящено изучению различий в склонности к принятию решений, сопряженных с риском и этическим сознанием [33]. Сравнивались данные финансовых работников США, Ближнего Востока и Северной Африки (Мена). В ходе опроса было обнаружено, что этическое сознание представителей США и Мены различаются: люди Северной Африки способны воспринимать действия, имеющие меньшую моральную значимость, чем представители США. Кроме того, обнаружена прямая взаимосвязь между склонностью к риску и этической осведомленностью. Так, респонденты, склонные к риску, воспринимают ссуду как обладающую большей моральной справедливостью, чем респонденты, избегающие риска. Предположение, что бухгалтеры из Ближнего Востока и Северной Африки будут иметь более низкий уровень склонности к риску, чем бухгалтеры из США, не подтвердилось, поскольку выяснилось, что это личностная, а не культурная характеристика. При этом культура региона оказывает косвенное влияние на этическое сознание через склонность к риску.

В статье R. George, S. Franke и Sc. Nadler исследуется влияние национальной культуры на этические установки людей разных стран [34]. Опираясь на теорию измерения культуры G. Hofstede [35], авторы предприняли попытку определения воздействия четырех основных культурных аспектов на общие этические отношения в разных странах. Они выдвинули 5 гипотез: во всех странах рост индивидуализма, возрастающее избегание неопределенности, увеличение дистанции власти и растущая мужественность отрицательно сказываются на национальных этических установках и толь-

ко ускоряющееся экономическое развитие оказывает положительное влияние на этические отношения в странах. В качестве методов использованы данные из опросов European Value Survey и World Values Survey с дополнением вопросов о степени оправданности социального поведения с использованием десятибалльной шкалы от «никогда не оправданное» до «всегда оправданное» [36]. Для сравнения этического отношения в разных странах исследуются четыре модели поведения: (1) обращение за государственными пособиями, на которые вы не имеете права; (2) отказ от платы за проезд в общественном транспорте; (3) мошенничество с налогами, если у вас есть возможность и (4) получение взятки при исполнении служебных обязанностей. Обозначенные гипотезы проверялись на данных из 44 стран, в которых проживают примерно 78 % населения мира, отобранных по четырем пунктам этики из Всемирного обзора ценностей и четырем культурным измерениям Г. Хофстеде (2001). Общая выборка включает 64 769 респондентов, выборки в отдельных странах варьируются от 755 до 2 989.

Полученные данные указывают на параметр «дистанция власти», который негативно влияет на этические установки. Предыдущие исследователи также предсказывали негативное влияние дистанции власти на этические установки. Сам G. Hofstede описывает эту модель как «определенную степень неформального снисхождения к правилам гражданской морали» [37]. Полученные результаты по параметру «избегание неопределенности» весьма противоречивы. Наблюдаемый отрицательный эффект предполагает, что потенциальные последствия сомнительной деятельности часто могут рассматриваться как сопряженные с приемлемым риском. Ложное заявление о государственных пособиях, уклонение от оплаты проезда подразумевает немедленную выгоду. Польза от такой деятельности настолько очевидна, что с риском юридических последствий можно мириться. Готовность нарушать несправедливые законы и скептицизм по отношению к правовой системе также могут привести к этическим рационализациям, как, например, то, что государственные пособия являются правом гражданина, или то, что транспортные расходы могут быть несправедливо завышены. Как и в случае с избеганием неопределенности, ожидаемое влияние индивидуализма в отношении этических взглядов вызывает споры (обнаружены незначимые различия). Наконец, вопреки ожиданиям, результаты исследования не подтвердили взаимосвязь параметра «мужественность/женственность» с этическими установками. G. Hofstede рассматривает культурные кластеры, демонстрирующие более высокие этические установки на Востоке и более низкие этические установки на Западе. Страны с наиболее строгими взглядами на сомнительное поведение являются преимущественно исламскими, за ними следуют азиатские страны с наследием конфуцианства и буддизма. Запад-

ные страны имеют иудео-христианское наследие с наложением коммунизма или социализма в странах Восточной Европы. Два кластера с наивысшим и самым низким средним этическим отношением относительно схожи по некоторым культурным аспектам Г. Хофстеде и по более слабому экономическому развитию, что позволяет предположить, что религия может иметь отчетливое влияние на этические отношения. Например, G. Rice отмечает, что в исламе, например, этика доминирует над экономикой, а не наоборот [38].

Регрессионный анализ показал, что этический уровень отношений ниже в Бразилии и на Филиппинах и выше в Японии, что определяется влиянием культуры и экономическим развитием. Ранее в исследованиях V. Gupta, P. J. Hanges и P. Dorgan было обосновано, что Бразилия и Филиппины известны своей историей политической нестабильности и высоким неравенством в доходах [39], но уклонение от уплаты налогов широко распространено в Бразилии (Costa E. F.) [40], а гражданские беспорядки, бедность и высокий уровень преступности обычны на Филиппинах [41]. В этих странах сомнительное поведение (например, отказ от платы за проезд в общественном транспорте) может показаться относительно незначительной проблемой. И, наоборот, в процветающей и относительно более однородной по доходам Японии, как отмечает L. Ellington, другое отношение к незаконопослушному поведению в транспорте, там в школьной системе сделан упор на нравственном воспитании и послушании, что связано с конфуцианским наследием страны [42]. Таким образом, вышеприведенный анализ продемонстрировал объяснение до 50 % различий в установках между культурами.

Предположение в пользу более высоких моральных стандартов у чиновников, нежели у предпринимателей, основано на результатах многочисленных российских исследований (О. В. Ванновская [43], О. С. Дейнека [44], Д. А. Китова с соавторами [45]), согласно которым инициаторами коррупции чаще выступает предпринимательское сообщество, находящееся в поисках более быстрого решения вопроса, в том числе и с нарушением существующей процедуры. Результаты выполненного нами в 2018 г. онлайн-опроса в Костромской области и охвативший 250 предпринимателей (62 % женщины), работающих в сфере услуг и торговли, показал, что только 4 % предпринимателей никогда не давали взятку (затруднились с ответом 65,6 % респондентов, остальная почти треть опрошенных давала взятки с различной степенью периодичности). В этой связи почти половина опрошенных представителей бизнес-сообщества (48 %) считали самой эффективной мерой противодействия коррупции – беспощадное наказание всех коррупционеров. При этом только половина респондентов (48 %) выразила готовность принять участие в борьбе с коррупцией, остальные ответившие предприниматели сообщили, что они «переждут и посмотрят, что из этого получится».

Рассмотрим результаты сравнительного онлайн-опроса студентов ведущих вузов России, выбравших профессии менеджеров (предпринимателей) и чиновников.

Материалы и методы

Исследование, в котором приняло участие 874 человека, проводилось в феврале 2021 года в режиме онлайн-опроса на сервисе «Анкетолог.ру». Были опрошены следующие группы: государственные и муниципальные служащие (39,0 %), работники коммерческих компаний (36,5 %), студенты высших учебных заведений (17,7 %), а также представители НКО (6,8 %). Особое внимание в исследовании уделялось учащейся молодежи. В опросе приняли участие 134 студента, из них 70,2 % женщин и 29,8 % мужчин, в возрасте от 17 до 22 лет ($M=19,56$; $SD=1,82$). Сравнивались данные 70 студентов специальности «Государственное и муниципальное управление» (будущих чиновников) и 64-х студентов специальностей «Менеджмент» и «Маркетинг» (среди которых высок процент будущих коммерсантов и предпринимателей).

Инструментарий включал в себя опросник «Моральные представления (аморализм) – МПА-2» Е. А. Булгаковой [46] и шкалу «темного будущего» З. Залесского (см. по: [47]). Также был получен социальный паспорт респондентов (пол, возраст, уровень образования, степень религиозности, субъективный уровень дохода). Обработка данных осуществлялась с помощью программ SPSS 19.0. Значимые различия выявлялись с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Компаративный анализ моральных установок и степени аморализма у вышеперечисленных социальных групп проводился с помощью однофакторного дисперсионного анализа.

Результаты исследования и обсуждение

В результате проведенного сравнительного анализа выявлены следующие значимые различия по шкале аморализма. Так, студенты-менеджеры меньше согласны, чем студенты-чиновники, что «иногда можно и не договорить что-то» ($p < 0,05$), «у нас в стране воровство было, есть и будет» ($p < 0,01$), «если пытки необходимы в целях безопасности всего общества, то их можно применять» ($p < 0,01$), «аборт оправдан, если родители не готовы к рождению ребенка» ($p < 0,05$), «если месть не выходит за рамки закона, тогда можно отомстить» ($p < 0,01$).

К тому же у будущих чиновников в большей степени, чем у студентов, получающих бизнес-образование, выражены цинизм ($p < 0,05$), агрессивность ($p < 0,05$) и враждебность ($p < 0,05$) по шкале Кука-Медлея.

С помощью шкалы З. Залесского «Темное будущее» выявлены следующие различия по поводу планов на будущее в группах студентов. Будущие чиновники значительно больше опасаются будущих изменений своей жизни к худшему ($p < 0,01$), а также изменений политической и экономической ситуации, которые поставят под угрозу их будущее ($p < 0,01$). У них значительно больше страх не реализовать свои планы и цели ($p < 0,01$), а также фобий по поводу того, что проблемы, с которыми они сталкиваются, останутся еще надолго ($p < 0,05$), их больше пугает мысль о том, что они могут когда-то столкнуться с жизненными кризисами и трудностями ($p < 0,01$).

Сравнительный анализ моральных установок и степени аморализма у студентов вузов, с одной стороны, и государственными и муниципальными служащими, представителями коммерческих компаний, а также работниками НКО (рис. 1), с другой стороны, выявил различия по шкалам «девиантного аморализма» ($p < 0,05$) и «аморального скептицизма и релятивизма» ($p < 0,001$).

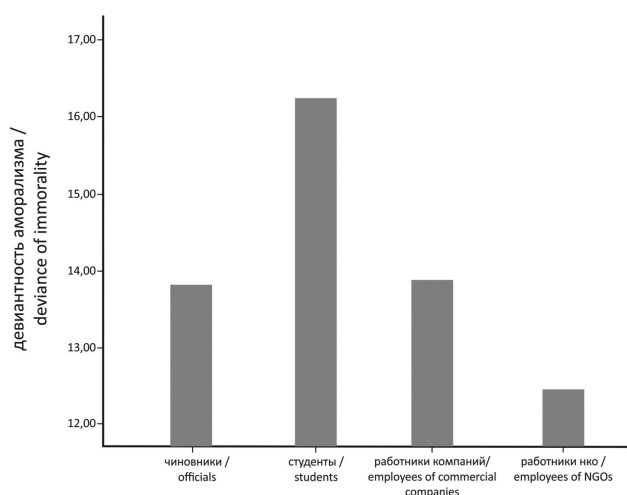

Рис. 1. Различия в девиантности, вызванного аморализмом, у различных социальных групп (чиновники, студенты, работники коммерческих компаний, работники НКО) (источник: визуализация авторов)

Fig. 1. Differences in the deviance of immoralism among various social groups (officials, students, employees of commercial companies, employees of NGOs) (source: authors' visualisation)

Наибольшие значения по шкале «девиантного аморализма» выявлены у студентов, а наименьшие – у представителей общественных и некоммерческих организаций (работники государственных и коммерческих организа-

ций «занили» промежуточные значения по этой шкале). Шкала «девиантного аморализма» демонстрирует отклонение от нравственной нормы. Наличие в структуре аморализма данного фактора можно объяснить с позиций клинико-патологического подхода: как следствие социально-психической дезадаптации [46], «моралепатии» (патологии морали). «Под моральной дезадаптацией понимается непротивоправное, хотя и безнравственное поведение. Это то пограничное состояние между противоправным и правомерным поведением, которое довольно легко способно перейти в делинквентное».

Иным образом средние значения распределились по шкале «аморального скептицизма и релятивизма» (рис. 2): представители студенчества и общественных организаций показывают относительно низкие значения, а сотрудники коммерческих и государственных организаций – относительно высокие.

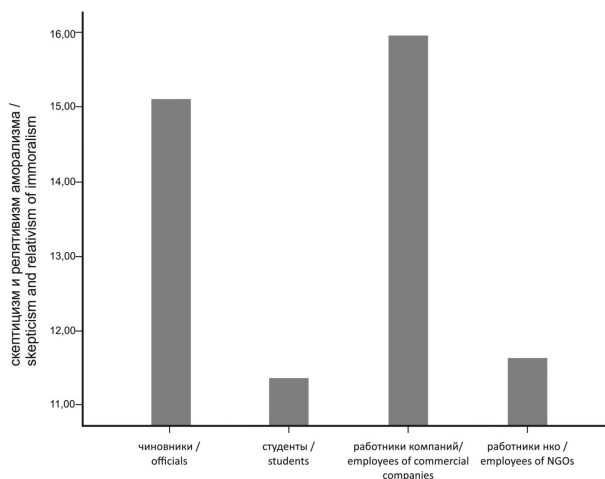

Рис. 2. Различия в скептицизме и релятивизме аморализма у различных социальных групп (чиновники, студенты, работники коммерческих компаний, работники НКО) (источник: визуализация авторов)

Fig. 2. Differences in skepticism and relativism of immoralism among various social groups (officials, students, employees of commercial companies, employees of NGOs) (source: authors' visualisation)

Высокие значения по данной шкале определяются тем, что опрошенные респонденты в ответах на вопросы о лжи и воровстве апеллируют к внешним обстоятельствам («не обманешь, не проживешь» и «такое время»). В этом отчетливо прослеживается позиция релятивизма. Принципами обоснования аморализма у последователей релятивизма выступают следующие утвержде-

ния: «в каждом обществе свои ожидания» и «мораль слишком часто меняется». С позиций скептицизма аморализм обосновывается тем, что мораль выдумана властью для собственной выгоды, мораль и религия придуманы для устрашения народа, при этом справедливость всегда на стороне сильных.

Кроме того, зафиксированы различия по другим шкалам у отдельных социальных групп (рис. 3). Так, показатели по шкале «аморализм как психологическая защита» различаются у студентов и сотрудников коммерческих организаций. Последние в большей степени склонны использовать аморализм как психологическую защиту.

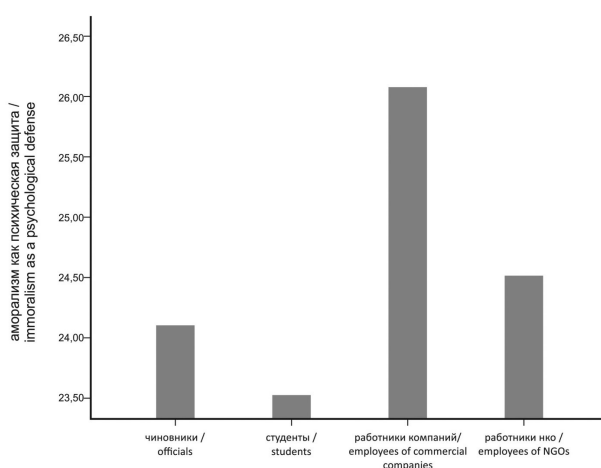

Рис. 3. Различия в аморализме как психологической защите у различных социальных групп (чиновники, студенты, работники коммерческих компаний, работники НКО) (источник: визуализация авторов)

Fig. 3. Differences in immoralism as a psychological defense among various social groups (officials, students, employees of commercial companies, employees of NGOs) (source: authors' visualisation)

Сотрудники коммерческих организаций более склонны оправдывать поступки и суждения, принимая их аморальность и недопустимость, применяя механизмы проекции (приписывание другому лицу чувств и намерений, которые присущи самому субъекту) и рационализации (поиск допустимых причин для недопустимых действий, объяснение противоречащим нормам идеям или поступкам, которые могут быть вполне допустимыми в иных обстоятельствах). Например, в вопросе об абортх респонденты описывали ряд причин, по которым это действие возможно (болезнь, бедность и т. п.).

Одним из факторов в структуре аморализма является власть, как отражение идеи макиавеллизма. Н. Макиавелли, обосновывая аморализм принципом иезуитизма «цель оправдывает средства», отмечал: «...государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности» [48]. Как считал философ, «самое сильное влияние на исторический процесс оказывают сильные личности». Э. Дюркгейм постулировал «моральное «давление» общества на индивида, «принуждающий» характер ценностных суждений в действительности» [49]. По его мнению, основная функция морали – упорядочить поведение. Следовательно, обоснованиями аморализма для респондентов выступают такие утверждения опрошенных: «благо то, что не запрещено законом» и «цель оправдывает средства». Эти представления более выражены у представителей госучреждений, чем у работников общественных организаций.

Выведенная нами гипотеза о том, что у будущих российских предпринимателей присутствует значимо более высокая (нежели у будущих чиновников) степень релятивизма, поддерживающая личные моральные стандарты и отвергающая универсальные моральные принципы, не подтвердилась. Нами получены доказательства в пользу обратного, а именно о том, что именно студенты направления «государственного и муниципального управления» убеждены в том, что этические решения должны зависеть от ситуации и степени вовлеченности лиц. Идеология будущих российских государственных служащих представляет собой компромисс между потенциальными выгодами и вредом от рассматриваемого этического вопроса.

Полученные результаты коррелируют с данными, полученными рядом авторов в части взаимосвязи личностных черт и склонностью к коррупции и неэтичным поведением. Так, J. M. Ghilioni показал, что нарциссы более склонны к поведению, которое приносит немедленное удовлетворение, иногда в ущерб благополучию других, что взаимосвязано с коррупционным поведением. Согласно его теории, люди с ярко выраженными чертами темной триады личности, как правило, используют «стратегию быстрой жизни», которая характеризуется как мышлением, ориентированным на настоящее, так и отсутствием уважения к социальным нормам. В отличие от стратегии медленной жизни, которая подчеркивается осмотрительным, ориентированным на будущее мышлением, люди, использующие стратегии быстрой жизни, более импульсивны и склонны к актам жадности. Более того, они с большей вероятностью будут поддерживать девиантное поведение. Кроме того, травмирующие события из детства (крайняя бедность, та или иная (со) зависимость родителей, домашнее насилие и так далее) влияют на развитие темной триады личности и, впоследствии, высокой приверженности личности к коррупции [50].

М. Gürlek было показано, что такая личностная черта темной триады, как макиавеллизм, положительно коррелирует с карьерными амбициями и намерением неэтичного поведения. Для макиавеллистов характерно лукавство, манипулятивность, властолюбие, наиболее вероятно, что у таких людей большее намерения достичь высоких должностей в карьерной лестнице [51].

Заключение

Таким образом, можно уверенно отметить недостаточную эффективность педагогического компонента с этическим контент-наполнением в системе высшего профессионального образования, что негативно сказывается на морально-этических установках будущих государственных и муниципальных служащих, а также предпринимателей. Полученные нами результаты трансформируются в настоятельную рекомендацию по аудиту и кардинальному пересмотру существующих программ антикоррупционной подготовки студентов в российских вузах, в том числе в части подготовки будущих государственных и муниципальных служащих.

В качестве рекомендаций можно отметить необходимость трансформации информационной политики в отношении противодействия коррупции с демонстрацией масштабов и успехов в противодействии коррупции, ведения большой и последовательной работы среди граждан и, особенно, молодежи по высококвалифицированному антикоррупционному просвещению, избегая банальностей и устаревших подходов. Образовательные программы в системе высшего образования нуждаются в совершенствовании, для чего целесообразно использование зарубежного опыта, с усилением проработки сценариев выработки навыков нравственного поведения и имплементации этических стандартов в организациях государственного сектора в деле противодействия коррупции. Важным аспектом профессионального отбора, по мнению Д. В. Крыловой и А. А. Максименко, является исследование мотивации претендентов на коррупционно-опасные должности с привлечением квалифицированных психологов и искусственного интеллекта [52]. Л. Н. Духанина и А. А. Максименко подчеркивают, что значимым фактором, формирующим общественное мнение юных предпринимателей, также является широкое освещение в обществе [53], в СМИ условий для ведения предпринимательской деятельности в России и историй успеха, внимание Правительства РФ к улучшению делового климата, формирование у студентов представления, что добросовестное ведение предпринимательской деятельности – это реальный путь к преуспеванию.

Список использованных источников

1. James Ch. A. Teaching Ethics in Public Administration. Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance. A. Farazmand (ed.), Springer International Publishing Switzerland, 2016. DOI: 10.1007/978-3-319-31816-5_927-1
2. Damm I. A. Corruption prevention in educational organization (case study: Siberian Federal University) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. № 13(1). P. 50–60. DOI: 10.17516/1997-1370-0533
3. Дейнека О. С., Духанина Л. Н., Крылова Д. В., Максименко А. А. Представления о коррупции в системе высшего образования у выпускников ведущих российских вузов // Высшее образование в России. 2020. № 7. С. 64–74. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-7-64-74
4. Максименко А. А., Дейнека О. С., Крылова Д. В., Духанина Л. Н. Отношение россиян к коррупции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Социология. 2020. Т. 13, № 4. С. 407–428. DOI: 10.21638/spbu12.2020.404
5. Denisova-Schmidt E., Huber M., Leontyeva E. On the development of students' attitudes towards corruption and cheating in Russian universities // European Journal of Higher Education. 2016. № 6 (2). P. 128–143. DOI: 10.1080/21568235.2016.1154477
6. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции [Электрон. ресурс] // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8–21. Режим доступа: <https://lib.ipran.ru/paper/17392955> (дата обращения: 14.04.2022).
7. Никонова Э. И., Абдрахманова Л. В. Коррупция и борьба с ней: теория и практика. Учебное пособие для студентов всех форм обучения. Казань: Изд-во ООО «16 ПРИНТ», 2016. 194 с.
8. Пустовалова И. Н. Формирование правосознания – основное условие деинституционализации коррупционных отношений [Электрон. ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 140–145. Режим доступа: http://www.hses-online.ru/2011/01/12_00_01/17.pdf (дата обращения: 14.04.2022).
9. Крылова Д. В., Максименко А. А. Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 230–253. DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2076
10. Hogan R. A dimension of moral judgment // Journal of Clinical and Counseling Psychology. 1970. Vol. 35. P. 205–212. DOI: 10.1037/h0030095
11. Kelman H. C., Lawrence L. H. Assignment of responsibility in the case of Lt. Calley: Preliminary report on a national survey // Journal of Social Issues. 1972. Vol. 28. P. 177–212. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1972.tb00010.x
12. Forsyth D. R. A taxonomy of ethical ideologies // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. Vol. 39 (1). P. 175–184. DOI: 10.1037/0022-3514.39.1.175
13. Forsyth D. R., Pope W. R. Ethical ideology and judgments of social psychological research: Multidimensional analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 46. P. 1365–1375. DOI: 10.1037/0022-3514.46.6.1365
14. Hunt Sh. D., Vitell S. A general theory of marketing ethics // Journal of Macromarketing. 1986. Vol. 6. P. 5–16. DOI: 10.1177/027614678600600103
15. Zey-Ferrell M., Weaver K. M., Ferrell O. C. Predicting unethical behavior among marketing practitioners // Human Relations. 1979. Vol. 32 (7). P. 557–569. Available from: <https://www.semanticscholar.org/paper/Predicting-Unethical-Behavior-Among-Marketing-Zey-Ferrell-Weaver/966d49fe89df273e2c5746bec114175acb13a3ad> (date of access: 12.03.2022).

16. Vitell Sc., Paolillo J. G. P., Singh J. J. Religiosity and consumer ethics // *Journal of Business Ethics*. 2005. Vol. 57 (2). P. 175–181. Available from: <https://typeset.io/papers/religiosity-and-consumer-ethics-3g8g7p6koa> (date of access: 12.03.2022).
17. Hunt Sh. D., Wood V. R., Chonko L. B. Corporate ethical values and organizational commitment in marketing // *Journal of Marketing*. 1989. Vol. 53 (July). P. 79–90. DOI: 10.1177/002224298905300309
18. Shaub M. K. An empirical examination of the determinants of auditors' ethical sensitivity. PhD diss., Texas Tech University, Lubbock, 1989. Available from: <https://ttu-ir.tdl.org/handle/2346/14563> (date of access: 12.03.2022).
19. Sparks J. R., Hunt Sh. D. Marketing researcher ethical sensitivity: Conceptualization, measurement, and exploratory investigation // *Journal of Marketing*. 1998. Vol. 62 (February). P. 92–109. DOI: 10.1177%2F002224299806200207
20. McNeel St. P. College teaching and student moral development // *Moral development in the professions: Psychology and applied ethics*, edited by J. Rest and D. Narvaez. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1994. P. 27–49. DOI: 10.4324/9781410601162
21. Cohen J. R., Pant L. W., Sharp D. J. Measuring the ethical awareness and ethical orientation of Canadian auditors // *Behavioral Research in Accounting*. 1996. Vol. 8 (Supplement). P. 98–119.
22. Casali G. L., Perano M. Forty years of research on factors influencing ethical decision making: Establishing a future research agenda // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 132. P. 614–630. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.07.006
23. Craft J. L. A review of the empirical ethical decision-making literature: 2004–2011 // *Journal of Business Ethics*. 2013. Vol. 117 (2). P. 221–259. DOI: 10.1007/s10551-012-1518-9
24. Ford R. C., Richardson W. D. Ethical decision making: A review of the empirical literature // *Journal of Business Ethics*. 1994. Vol. 13 (3). P. 205–221. DOI: 10.1007/BF02074820
25. Loe T. W., Ferrell L., Mansfield P. A review of empirical studies assessing ethical decision making in business // *Journal of Business Ethics*. 2000. Vol. 25 (3). P. 185–204. DOI: 10.1023/A:1006083612239
26. O'Fallon M. J., Butterfield K. D. A review of the empirical ethical decision-making literature: 1996–2003 // *Journal of Business Ethics*. 2005. Vol. 59 (4). P. 375–413. DOI: 10.1007/s10551-005-2929-7
27. Bateman C. R., Valentine S. R. Investigating the effects of gender on consumers' moral philosophies and ethical intentions // *Journal of Business Ethics*. 2010. Vol. 95. P. 393–414. DOI: 10.1007/s10551-010-0386-4
28. Razzaque M. A., Hwee T. P. Ethics and purchasing dilemma: A Singaporean view // *Journal of Business Ethics*. 2002. Vol. 35 (4). P. 307–326. DOI: 10.1023/A:1013853021571
29. Zou L. W., Chan R. Y. K. Why and when do consumers perform green behaviors? An examination of regulatory focus and ethical ideology // *Journal of Business Research*. Elsevier. 2019. Vol. 94 (C). P. 113–127. DOI: 10.1016/j.jbusres.2018.04.006
30. Cherry J., Fraedrich J. P. Perceived risk, moral philosophy and marketing ethics: mediating influences on sales managers' ethical decision-making // *Journal of Business Research*. 2002. Vol. 55. P. 951–962.
31. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: an analysis of decision under risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. P. 263–291. DOI: 10.2307/1914185
32. MacCrimmon K. R., Wehrung D. A. Taking risks: the management of uncertainty. New York, NY: The Free Press, 1986. 388 p.

33. Vinson J. M., Curtis M.B., Conover T. L., Chui L. Ethical relativism in accounting: A cross-cultural examination of the influence of culture and risk taking propensity on ethical decision-making // *Journal of International Accounting, Auditing and Taxation*. 2020. Vol. 41. Iss. C, 100350. DOI: 10.1016/j.intaccaudtax.2020.100350
34. George R., Franke S., Nadler Sc. Culture, economic development, and national ethical attitudes // *Journal of Business Research*. 2008. Vol. 61. P. 254–264. DOI: 10.1016/j.jbusres.2007.06.005
35. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1980. 474 p.
36. Inglehart R, Halman L, Welzel C. Introduction. In: Inglehart R., Basanez M., Diez-Medrano J., Halman L., Luijkx R., editors. Human beliefs and values: a cross-cultural sourcebook based on the 1999–2002 values surveys. Mexico: Siglo Veintiuno Editors, S.A. de C.V., 2004. P. 1–20.
37. Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. 2nd ed. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 2001. 596 p.
38. Rice G. Islamic ethics and the implications for business // *Journal of Business Research*. 1999. Vol. 18. P. 345–58 (February). DOI: 10.1023/a:1005711414306
39. Gupta V., Hanges P. J., Dorman P. Cultural clusters: methodology and findings // *Journal of World Business*. 2002. Vol. 37. P. 11–15 (Spring). DOI: 10.1016/S1090-9516(01)00070-0
40. Costa E. F. Brazil // Pendergast S., Pendergast T., editors. *Worldmark encyclopedia of national economies*. Vol. 2. Americas. NY: Thomson Learning, 2002. P. 63–75.
41. Ubarra MCT. Philippines. In: Pendergast S., Pendergast T., editors. *Worldmark encyclopedia of national economies*. NY: Thomson Learning, 2002. Vol. 3. Asia and the Pacific. P. 461–473.
42. Ellington L. Japan: a global studies handbook. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2002. 307 p.
43. Ванновская О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих : монография [Электрон. ресурс]. 2-е изд., стер. Москва: Изд-во Юрайт, 2019. 251 с. Режим доступа: <https://urait.ru/book/psihologiya-korruptcionnogo-povedeniya-gosudarstvennyh-sluzhaschih-514226> (дата обращения: 14.04.2022).
44. Дейнека О. С. Снижение коррупции в современной России как политико-психологическая проблема // *Вестник политической психологии*. 2008. № 1. С. 31–40.
45. Китова Д. А., Журавлев А. А., Соснин В. А., Юревич А. В. Коррупция в предметном поле психологических исследований [Электрон. ресурс] // *Гуманизация образования*. 2017. № 5. С. 46–56. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30736772_20175759.pdf (дата обращения: 14.04.2022).
46. Булгакова Е. А. Совершенствование психологической диагностики представлений молодежи о современной морали. Дисс. канд. психол. наук, Москва, 2011. 195 с.
47. Журавлев А. А., Нестик Т. А. Психология глобальных рисков [Электрон. ресурс]. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 402 с. Режим доступа: <https://spkurdyumov.ru/uploads/2019/04/psihologiya-globalnyh-riskov.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).
48. Макиавелли Н. Государь. Москва: АСТ, 2020. 256 с.

49. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. Москва: Мысль, 1994. 399 с. Режим доступа: <http://www.psychiatry.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/1706/4.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).

50. Ghlionn J. M. Towards a Psychodynamic Theory of Corruption // *Sociology and Criminology*. 2021. Vol. 9. Iss. 3. N 208. Available from: <https://www.longdom.org/open-access-pdfs/towards-a-psychodynamic-theory-of-corruption.pdf> (date of access: 10.03.2022).

51. Gürlek M. Shedding light on the relationships between Machiavellianism, career ambition, and unethical behavior intention // *Ethics & Behavior*. 2020. Vol. 31. № 1. P. 38–59. DOI: 10.1080/10508422.2020.1764846

52. Крылова Д. В., Максименко А. А. Роль искусственного интеллекта в антикоррупционном рекрутинге // *Научный результат. Серия: Технология бизнеса и сервиса*. 2022. Т. 8, № 2. С. 94–107. DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-2-0-9

53. Духанина Л. Н., Максименко А. А. Просветительские запросы россиян // *Вопросы образования*. 2019. № 2. С. 266–240. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-226-240

References

1. James Ch. A. Teaching ethics in public administration. Global encyclopedia of public administration, public policy, and governance. Ed. by A. Farazmand. Switzerland: Springer International Publishing; 2016. DOI: 10.1007/978-3-319-31816-5_927-1

2. Damm I. A. Corruption prevention in educational organization (case study: Siberian Federal University). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020; 13 (1): 50–60. DOI: 10.17516/1997-1370-0533

3. Deyneka O. S., Dukhanina L. N., Krylova D. V., Maksimenko A. A. Perceptions of corruption in higher education among Alumni of the leading Russian Universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2020; 7: 64–74. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-7-64-74 (In Russ.)

4. Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Krylova D. V., Dukhanina L. N. The attitude of Russians to corruption. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Sociologiya = Vestnik of St. Petersburg University. Ser. 12. Sociology*. 2020; 13 (4): 407–428. DOI: 10.21638/spbu12.2020.404 (In Russ.)

5. Denisova-Schmidt E., Huber M., Leontyeva E. On the development of students' attitudes towards corruption and cheating in Russian universities. *European Journal of Higher Education*. 2016; 6 (2): 128–143. DOI: 10.1080/21568235.2016.1154477

6. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Psychological factors of corruption. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya = Applied Legal Psychology* [Internet]. 2012 [cited 2022 Apr 14]; 1: 8–21. Available from: <https://lib.ipran.ru/paper/17392955> (In Russ.)

7. Nikonova E. I., Abdrahmanova L. V. Korrupciya i bor'ba s nej: teoriya i praktika. Uchebnoe posobie dlya studentov vsekh form obucheniya = Corruption and the fight against it: Theory and practice. A textbook for students of all forms of education. Kazan: Publishing House 16 PRINT; 2016. 194 p. (In Russ.)

8. Pustovalova I. N. Formation of legal consciousness – the main condition for the de-institutionalization of corruption relations. *Nauchno-obrazovatel'nyj i prikladnoj elektronnyj zhurnal "Gumanitarnye i social'nye nauki" = Scientific-Educational and Applied Electronic Journal "Humanities and Social Sciences"* [Internet]. 2011 [cited 2022 Apr 14]; 1: 140–145. Available from: http://www.hses-online.ru/2011/01/12_00_01/17.pdf (In Russ.)

9. Krylova D. V., Maksimenko A. A. Does a Russian corrupt official have conscience? Peculiarities of ethical decision-making by Russian civil servants. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* = *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022; 3: 230–253. DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2076 (In Russ.)
10. Hogan R. A dimension of moral judgment. *Journal of Clinical and Counseling Psychology*. 1970; 35: 205–212. DOI: 10.1037/h0030095
11. Kelman H. C., Lawrence L. H. Assignment of responsibility in the case of Lt. Calley: Preliminary report on a national survey. *Journal of Social Issues*. 1972; 28: 177–212. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1972.tb00010.x
12. Forsyth D. R. A taxonomy of ethical ideologies. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980; 39 (1): 175–184. DOI: 10.1037/0022-3514.39.1.175
13. Forsyth D. R., Pope W. R. Ethical ideology and judgments of social psychological research: Multidimensional analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984; 46: 1365–1375. DOI: 10.1037/0022-3514.46.6.1365
14. Hunt Sh. D., Vitell S. A general theory of marketing ethics. *Journal of Macromarketing*. 1986; 6: 5–16. DOI: 10.1177/027614678600600103
15. Zey-Ferrell M., Weaver K. M., Ferrell O. C. Predicting unethical behavior among marketing practitioners. *Human Relations* [Internet]. 1979 [cited 2022 Mar 12]; 32 (7): 557–569. Available from: <https://www.semanticscholar.org/paper/Predicting-Unethical-Behavior-Among-Marketing-Zey-Ferrell-Weaver/966d49fe89df273e2c5746bec114175acb13a3ad>
16. Vitell Sc., Paolillo J. G. P., Singh J. J. Religiosity and consumer ethics. *Journal of Business Ethics* [Internet]. 2005 [cited 2022 Mar 12]; 57 (2): 175–181. Available from: <https://typeset.io/papers/religiosity-and-consumer-ethics-3g8g7p6koa>
17. Hunt Sh. D., Wood V. R., Chonko L. B. Corporate ethical values and organizational commitment in marketing. *Journal of Marketing*. 1989; 53 (July): 79–90. DOI: 10.1177/002224298905300309
18. Shaub M. K. An empirical examination of the determinants of auditors' ethical sensitivity [dissertation on the Internet]. Lubbock: Texas Tech University; 1989 [cited 2022 Mar 12]. Available from: <https://ttu-ir.tdl.org/handle/2346/14563>
19. Sparks J. R., Hunt Sh. D. Marketing researcher ethical sensitivity: Conceptualization, measurement, and exploratory investigation. *Journal of Marketing*. 1998; 62 (February): 92–109. DOI: 10.1177/002224299806200207
20. McNeel St. P. College teaching and student moral development. In: J. Rest, D. Narvaez (Eds.). *Moral development in the professions: Psychology and applied ethics*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum; 1994. p. 27–49. DOI: 10.4324/9781410601162
21. Cohen J. R., Pant L. W., Sharp D. J. Measuring the ethical awareness and ethical orientation of Canadian auditors. *Behavioral Research in Accounting*. 1996; 8 (Supplement): 98–119.
22. Casali G. L., Perano M. Forty years of research on factors influencing ethical decision making: Establishing a future research agenda. *Journal of Business Research*. 2021; 132: 614–630. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.07.006
23. Craft J. L. A review of the empirical ethical decision-making literature: 2004–2011. *Journal of Business Ethics*. 2013; 117 (2): 221–259. DOI: 10.1007/s10551-012-1518-9
24. Ford R. C., Richardson W. D. Ethical decision making: A review of the empirical literature. *Journal of Business Ethics*. 1994; 13 (3): 205–221. DOI: 10.1007/BF02074820
25. Loe T. W., Ferrell L., Mansfield P. A review of empirical studies assessing ethical decision making in business. *Journal of Business Ethics*. 2000; 25 (3): 185–204. DOI: 10.1023/A:1006083612239

26. O'Fallon M. J., Butterfield K. D. A review of the empirical ethical decision-making literature: 1996–2003. *Journal of Business Ethics*. 2005; 59 (4): 375–413. DOI: 10.1007/s10551-005-2929-7.
27. Bateman C. R., Valentine S. R. Investigating the effects of gender on consumers' moral philosophies and ethical intentions. *Journal of Business Ethics*. 2010; 95: 393–414. DOI: 10.1007/s10551-010-0386-4
28. Razzaque M. A., Hwee T. P. Ethics and purchasing dilemma: A Singaporean view. *Journal of Business Ethics*. 2002; 35 (4): 307–326. DOI: 10.1023/A:1013853021571
29. Zou L. W., Chan R. Y. K. Why and when do consumers perform green behaviors? An examination of regulatory focus and ethical ideology. *Journal of Business Research*. 2019; 94 (C): 113–127. DOI: 10.1016/j.jbusres.2018.04.006
30. Cherry J., Fraedrich J. P. Perceived risk, moral philosophy and marketing ethics: Mediating influences on sales managers' ethical decision-making. *Journal of Business Research*. 2002; 55: 951–962.
31. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*. 1979; 47: 263–291. DOI: 10.2307/1914185
32. MacCrimmon K. R., Wehrung D. A. Taking risks: the management of uncertainty. New York, NY: The Free Press; 1986. 388 p.
33. Vinson J. M., Curtis M. B., Conover T. L., Chui L. Ethical relativism in accounting: A cross-cultural examination of the influence of culture and risk taking propensity on ethical decision-making. *Journal of International Accounting, Auditing and Taxation*. 2020 41(C): 100350. DOI: 10.1016/j.intaccudtax.2020.100350
34. George R., Franke S., Nadler Sc. Culture, economic development, and national ethical attitudes. *Journal of Business Research*. 2008; 61: 254–264. DOI: 10.1016/j.jbusres.2007.06.005
35. Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage Publications; 1980. 474 p.
36. Inglehart R., Halman L., Welzel C. Introduction. In: Inglehart R., Basanez M., Diez-Medrano J., Halman L., Luijkx R. (Eds.). Human beliefs and values: A cross-cultural sourcebook based on the 1999–2002 values surveys. Mexico: Siglo Veintiuno Editors, S.A. de C.V.; 2004. p. 1–20.
37. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. 2nd ed. Beverly Hills, CA: Sage Publications; 2001. 596 p.
38. Rice G. Islamic ethics and the implications for business. *Journal of Business Research*. 1999; 18: 345–58. DOI: 10.1023/a:1005711414306
39. Gupta V., Hanges P. J., Dorman P. Cultural clusters: Methodology and findings. *Journal of World Business*. 2002; 37: 11–15. DOI: 10.1016/S1090-9516(01)00070-0
40. Costa E. F. Brazil. In: Pendergast S., Pendergast T. (Eds.). Worldmark encyclopedia of national economies. Vol. 2. Americas. NY: Thomson Learning; 2002. p. 63–75.
41. Ubarra MCT. Philippines. In: Pendergast S., Pendergast T. (Eds.). Worldmark encyclopedia of national economies. Vol. 3. Asia and the Pacific. NY: Thomson Learning; 2002. p. 461–473.
42. Ellington L. Japan: A global studies handbook. Santa Barbara, CA: ABC-Clío; 2002. 307 p.
43. Vannovskaya O. V. Psihologiya korrupcionnogo povedeniya gosudarstvennyh sluzha-shchih = Psychology of corrupt behavior of civil officials [Internet]. 2nd ed. Moscow: Publishing House Yurajt; 2019 [cited 2022 Apr 14]. 251 p. Available from: <https://urait.ru/book/psihologiya-korrupcionnogo-povedeniya-gosudarstvennyh-sluzhaschih-514226> (In Russ.)

44. Deyneka O. S. Reduction of corruption in modern Russia as a political and psychological problem. *Vestnik politicheskoy psihologii = Bulletin of Political Psychology*. 2008; 1: 31–40. (In Russ.)
45. Kitova D. A., Zhuravlev A. L., Sosnin V. A., Yurevich A. V. Corruption in the subject field of psychological research. *Gumanizatsiya obrazovaniya = Humanization of Education* [Internet]. 2017 [cited 2022 Apr 14]; 5: 46–56. Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30736772_20175759.pdf (In Russ.)
46. Bulgakova E. A. Sovershenstvovanie psihologicheskoy diagnostiki predstavlenij molodezhi o sovremennoj morali = Improvement of psychological diagnostics of young people's ideas about modern morality [dissertation]. Moscow; 2011. 195 p. (In Russ.)
47. Zhuravlev A. L., Nestik T. A. Psihologiya global'nyh riskov = Psychology of global risks [Internet]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; 2018 [cited 2022 Apr 14]. 402 p. Available from: <https://spkurdyumov.ru/uploads/2019/04/psixologiya-globalnyx-riskov.pdf> (In Russ.)
48. Makiavelli N. Gosudar' = Sovereign. Moscow: Publishing House AST; 2020. 256 p. (In Russ.)
49. Dyurkgejm E. Samoubijstvo: Sociologicheskij etjud = Suicide: Sociological etude [Internet]. Moscow: Publishing House Mysl'; 1994 [cited 2022 Apr 14]. 399 p. Available from: <http://www.psychiatry.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/1706/4.pdf> (In Russ.)
50. Ghlionn J. M. Towards a psychodynamic theory of corruption. *Sociology and Criminology* [Internet]. 2021 [cited 2022 Mar 10]; 9 (3): N 208. Available from: <https://www.longdom.org/open-access-pdfs/towards-a-psychodynamic-theory-of-corruption.pdf>
51. Gürlek M. Shedding light on the relationships between Machiavellianism, career ambition, and unethical behavior intention. *Ethics & Behavior*. 2020; 31 (1): 38–59. DOI: 10.1080/10508422.2020.1764846
52. Krylova D. V., Maksimenko A. A. The role of artificial intelligence in anti-corruption recruiting. *Nauchnyj rezul'tat. Seriya: Tekhnologiya biznesa i servisa = Scientific Result. Series: Technology of Business and Service*. 2022; 8 (2): 94–107. DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-2-0-9 (In Russ.)
53. Dukhanina L. N., Maksimenko A. A. Enlightening demands of Russians. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2019; 2: 266–240. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-226-240 (In Russ.)

Информация об авторах:

Максименко Александр Александрович – доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ORCID 0000-0003-0891-4950, Scopus Author ID 57219144362, SPIN-код РИНЦ 7449-3003; Москва, Россия. E-mail: Maximenko.AI@gmail.com

Дейнека Ольга Сергеевна – доктор психологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета; ORCID 0000-0001-8224-2190, Scopus Author ID 57194202822, SPIN-код РИНЦ 9111-5267; Санкт-Петербург, Россия. E-mail: osdeyneka@yandex.ru

Крылова Дина Владимировна – заведующая проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ORCID 0000-0001-5069-0319, Scopus Author ID 57218854946, SPIN-код РИНЦ 8293-1697; Москва, Россия. E-mail: krylovadv@hse.ru

Забелина Екатерина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Института образования и практической психологии Челябинского государственного университета; ORCID 0000-0002-2071-6466, Scopus Author ID 633966, SPIN-код РИНЦ 2011-8089; Челябинск, Россия. E-mail: katya_k@mail.ru

Булгакова Екатерина Александровна – кандидат психологических наук, научный сотрудник научно-практической лаборатории проблем социализации Московского государственного областного педагогического университета; ORCID 0000-0003-0844-7336, SPIN-код РИНЦ 6835-7229; Мытищи, Россия. E-mail: ea-bulgakowa@yandex.ru

Вклад соавторов:

А. А. Максименко – концепция, дизайн исследования, организация и проведение опроса, текст, контактирование с редакцией журнала.

О. С. Дейнека – концепция, дизайн исследования, текст.

Д. В. Крылова – концептуализация, организация опроса, текст.

Е. В. Забелина – математическая статистика, расчеты, текст.

Е. А. Булгакова – методика МПА-2, текст.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; поступила после рецензирования 23.12.2022; принята к публикации 11.01.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Aleksander A. Maksimenko – Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics; ORCID 0000-0003-0891-4950, Scopus Author ID 57219144362, SPIN-code RSCI 7449-3003; Moscow, Russia. E-mail: Maximenko.Al@gmail.com

Olga S. Deyneka – Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of Political Psychology, St. Petersburg State University; ORCID 0000-0001-8224-2190, Scopus Author ID 57194202822, SPIN-code RSCI 9111-5267; St. Petersburg, Russia. E-mail: osdeyneka@yandex.ru

Dina V. Krylova – Head of the Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics; ORCID 0000-0001-5069-0319, Scopus Author ID 57218854946, SPIN-code RSCI 8293-1697; Moscow, Russia. E-mail: krylovadv@hse.ru

Ekaterina V. Zabelina – Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor, Department of Psychology, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University; ORCID 0000-0002-2071-6466, Scopus Author ID 633966, SPIN-code RSCI 2011-8089; Chelyabinsk, Russia. E-mail: katya_k@mail.ru

Ekaterina A. Bulgakova – Cand. Sci. (Psychology), Researcher, Scientific and Practical Laboratory of Problems of Socialisation, Moscow State Regional Pedagogical University; ORCID 0000-0003-0844-7336, SPIN-code RSCI 6835-7229; Mytishchi, Russia. E-mail: ea-bulgakowa@yandex.ru

Contribution of the authors:

А. А. Максименко – concept, study design, organisation and conduction of the survey, text, correspondence with the Editorial Board of the Journal.

O. S. Deyneka – concept, study design, text.

D.V. Krylova – conceptualisation, organisation of the survey, text.

E. V. Zabelina – mathematical statistics, calculations, text.

E. A. Bulgakova – Moral Views (Amoralism)-2 methodology, text.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 05.07.2022; revised 23.12.2022; accepted for publication 11.01.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

Información sobre los autores:

Maximenko Alexander Alexándrovich: Doctor en Ciencias de la Sociología, Candidato a Ciencias en Psicología, Profesor, Investigador Jefe del Laboratorio de Diseño y Educación de Políticas Anticorrupción, Universidad Nacional de Investigación Escuela Superior de Economía; ORCID 0000-0003-0891-4950, Scopus Author ID 57219144362, código SPIN RSCI 7449-3003; Moscú, Rusia. Correo electrónico: Maximenko.Al@gmail.com

Deyneka Olga Serguéevna: Doctora en Ciencias de la Psicología, Profesora, Jefe del Departamento de Psicología Política, Universidad Estatal de San Petersburgo; ORCID 0000-0001-8224-2190, Scopus Author ID 57194202822, código SPIN RSCI 9111-5267; San Petersburgo, Rusia. Correo electrónico: osdeyneka@yandex.ru

Krlova Dina Vladímirovna: Jefe del Laboratorio de Diseño y Capacitación de Políticas Anticorrupción, Universidad Nacional de Investigación Escuela Superior de Economía; ORCID 0000-0001-5069-0319, Scopus Author ID 57218854946, código SPIN RSCI 8293-1697; Moscú, Rusia. Correo electrónico: krylovadv@hse.ru

Zabélina Ekaterina Viacheslávovna: Doctora en Ciencias de la Psicología, Profesora, Profesora del Departamento de Psicología del Instituto de Educación y Psicología Práctica, Universidad Estatal de Chelyabinsk; ORCID 0000-0002-2071-6466, Scopus author ID 633966, código SPIN RSCI 2011-8089; Cheliábinsk, Rusia. Correo electrónico: katya_k@mail.ru

Bulgákova Ekaterina Alexándrovna: Candidata a Ciencias de la Psicología, Investigadora en el Laboratorio Científico y Práctico de Problemas de Socialización, Universidad Pedagógica Regional Estatal de Moscú; ORCID 0000-0003-0844-7336, código SPIN RISC 6835-7229; Mytishchi, Rusia. Correo electrónico: ea-bulgakowa@yandex.ru

Contribución de coautoría:

A. A. Maximenko: Concepto, diseño del estudio, organización y realización de la encuesta, texto, contacto con los editores de la revista.

O. S. Deyneka: Concepto, diseño de estudio y texto.

D. V. Krlova: Concepto, diseño de estudio, organización de la encuesta y texto.

E. V. Zabélina: Estadística matemática, cálculos y texto.

E. A. Bulgákova: Metodología MPA-2 y texto.

Información sobre conflicto de intereses. Los autores declaran no tener conflictos de intereses.

El artículo fue recibido por los editores el 05/07/2022; recepción efectuada después de la revisión el 23/12/2022; aceptado para su publicación 11/01/2023.

Los autores leyeron y aprobaron la versión final del manuscrito.